

Михаил Осипович Лопатто

ПЬЮЩИЕ СОЛНЦЕ

Шафранный, золотисто павлиний
 Спящих крыльев блеск и трепет.
 Сквозь еле уловимый лепет
 Барахтанье в теплой тише,
 Щebet и писк в мускатной долине.
 С холмов несет гарью и гнилью.
 Огненной брызнуло пылью
 Солнце в брильянтах дробясь.
 В одном объятьи
 Открыть всех тел пленительную связь!
 Зайчики на белом плати,
 На котором несмятая складка
 Дышет уюгом.
 Зайчики в стакане с розовым вином,
 Зайчики на ладони пахнувшей сладко.
 Сердце в небесной паутине
 Не томный хмель, а солнце пьет:
 Слeпительность перьев и девственных
 Извивы лука, блеск золотисто павлиний
 Глаза миндаины, румяный рот.

1916

[ГАЗЕЛЬ]

Всех городов пышней Сидон гостеприимных,
 Из тесных улочек сплетен гостеприимных.
 На вертелех дымится жир и вина сладки
 И звонкий слышен щебет жен гостеприимных.
 Румян от солнца и пути за стол садишься,
 Рабынь толпою окружен гостеприимных.
 Догадлив ты: в тенета роз был пойман ловчий
 И негой двух сестер пленен гостеприимных.
 Но скромный не откроет в чьих объятьях смуглых
 Отраду ласк вкушает он гостеприимных.

1917

[ГАЗЕЛЬ]

Я утром обходить базар люблю
 И пестрый праздничный товар люблю.
 Лимонов груды, устрицы и мед
 И вин сирийских сладкий дар люблю,
 Ковры палаток, голубей и жен,
 Над взморьем всплывший солнца шар люблю.
 Лишает мудрый покрывала мир,
 А я сплетенья тайных чар люблю.
 Нежнее зорь, вина хмельней, кланюсь!
 Я губ сухих и свежих жар люблю!

1917

Куда уехать нам, в какие дали?
 Дороги пахнут пылью и дождем.
 В тени, под солнцем быть всегда вдвоем,
 Завязывать ремни твоих сандалий
 И спать на сене под одним плащом.

Впервые мы себя нашли, узнали,
 И нежности проточный водоем
 Скопляется из облака печали.

Куда уехать нам?

Все что с бездумной лаской расточали,
 И каждый срыв и хрупкий твой излом
 Теперь преображенным мы найдем.
 Деревьев купы, горней синь эмали
 Во взоре пленном плещутся твоим.
 Куда уехать нам?

1916

Я не пишу теперь стихов безпечных.
 Не разрешив практических задач
 И отложивши ряд ненужных вечных,
 Бездумно я брожу в прохладе дач,
 В тени садов приморских и приречных.
 На розовом песке играю в мяч
 У Адриатики зелено-млечной.
 Оранжев парус, ветра вздох горяч.
 Я не пишу.

Мне странным кажется притворный плач,
 Ужимки лирики и чувств увечных
 И вывих разложений безконечных.
 И чтобы рифма утлая без встречных
 Не рвалась по волне за лодкой вскачь
 Я не пишу.

1920

ВЕНЕЦИЯ

О незнакомые салопы
 Куда вас вводят первый раз!
 Из всех углов тайком влюбленно
 Косится на хозяйку глаз.

Дымится кофе, лампы глухо
 Горят меж чашек и гвоздик
 Н друг нашептывает в ухо
 Чуть переперченный дневник.
 Ах, в сердце жизни есть запасы,
 Остроты рвутся с языка,
 А геммы, кружева, атласы
 Кружат мне голову слегка.

Окно раскрыто на каналы,
 Дрожит бродячий гондол свет
 И баркароле запоздалой
 Гитары вторит жаркий бред.

1920

Старинная фотография

Чем дорог я тебе ? Ни дутой славы
 Ни денег не принес тебе я в дар.
 Когда все жаждет лишь густой отравы,
 Не я введу тебя, глуша, в угар.
 Пусть варвары сотрут мои октавы
 Как заклинания враждебных чар.
 Во мне все стройно, сладостно и ясно,
 И жизнь проходит мимо так напрасно !

Мир втянут в зыбь воронкою сомнений,
 Рефлекс.и зуд стоят в углу всех схем.
 И никому средь новых поколений
 Не будет дорог блеск моих поэм,
 Но через годы оживет мой гений
 В иных устах и станет внятн всем.
 Тогда и ты, о только призрак, имя,
 Заговоришь словами вновь живыми.

1925

Кто в даль стремится чужд в любви удачи.
 Кто жив любовью должен жить как нищий,
 Взошла вся мудрость мира на кладбище
 И зрит слепец, чего не знает зрячий.

В чулане тесном роза дышет ядом,
 Залог влюбленных – срезанная роза.
 Печален князь и счастливы стрекозы,
 Уныние бредет с мечтою рядом.

Забудь о роке, лги себе, надейся
 И бороду всю вырви книгочии,
 Скопцу, педанту : все слова пустые !
 Живи живой ! Люби, дерись и смейся.

1927

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Ни для кого не приманка,
 Давний наскучивший враль,
 Нудная ноет шарманка,
 Что ничего уж не жаль.

Плен мой как плен попугая,
 Жизнь это — сладостный сон.
 Слабость находит такая,
 Словно я детски влюблен.

Сердце там чье то страдало
 С милой прощаясь навек...
 Вспомню те весны и тальей
 Ветер и тающий снег.

Только слышу шарманку
 Вольность проснетса моя.
 В путь я уйду спозаранку
 Хлеба краюху жуя.

1943

То было время, когда в поместье графа Тышкевича в Троках часто собиралось веселое общество офицеров царской армии. Песни и одолоски их гульбы были слышны даже на Караимщизне, т.е. на противоположном берегу озера Галве. Бывало, что офицеры навеселе часто устраивали конные скачки по городу.

Однажды, когда Ньюша пошла к озеру за водой, на нее налетели гости Тышкевичей на розгоряченных рысаках. В последнюю секунду она умудрилась отскочить, но упала в ров на обочине.

– Надеюсь вы не очень ушиблись? – улыбаясь спросил, соскочивший с лошади молодой офицер, и протянул ей руку.

– Нет, не очень, ваше... – поднимая голову стала отвечать девушка и покраснев осеклась, а он не выпуская ее рук, стоял и молча любовался ею. Молодого офицера звали князь Вологодский.

Они стали тайно встречаться. Спустя некоторое время, накал их чувств достиг того градуса, что князь, пренебрегая социальной и сословной разницей, попросил у ее отца соединить их браком. Князю казалось, что он оказывает честь своим предложением. Однако моему деду, зрелому караиму, будущее дочери виделось по-другому, и он ответил отказом. Не изменили его решение ни мольбы дочери, ни угрозы потенциального зятя.

– Нет! – безапелляционно сказал Моисей Новицкий.

Но молодой князь не любил проигрывать, не согласился с решением отца любимой. В скором времени ворвался с товарищами в постоялый двор Новицких, перевернул все, но нашел спрятанную от него Ньюшу, усадил на коня впереди себя и ускакал, под веселое улюлюканье друзей.

Они поселились в его родовом имении где-то в России. Остается загадкой, как князь и княгиня Вологодские согласились на такой неравный брак. Видимо среди русских вельмож встречались люди чуткие, сочувствующие молодым влюбленным.

Как дальше сложилась их жизнь неизвестно. Возможно они, как многие россияне, оказались в эмиграции, в Париже.

Александр Новицкий

P.S. Эта история, похожая на сказку о золушке, несмотря на некоторую неправдоподобность в деталях, все-таки была в действительности. Это подтверждает и Екатерина Лейбу (в девичестве Новицкая, воспитанница другого Ньюшиного брата Авулю Новицкого). Отец ей рассказывал, что Ньюша, вскоре после побега, приехала в Тракай и просила у родителей прощенья, но несмотря на то, что выглядела она благополучной и состоятельной дамой и искренне каялась в непослушании, прощения не получила. (Ред.)